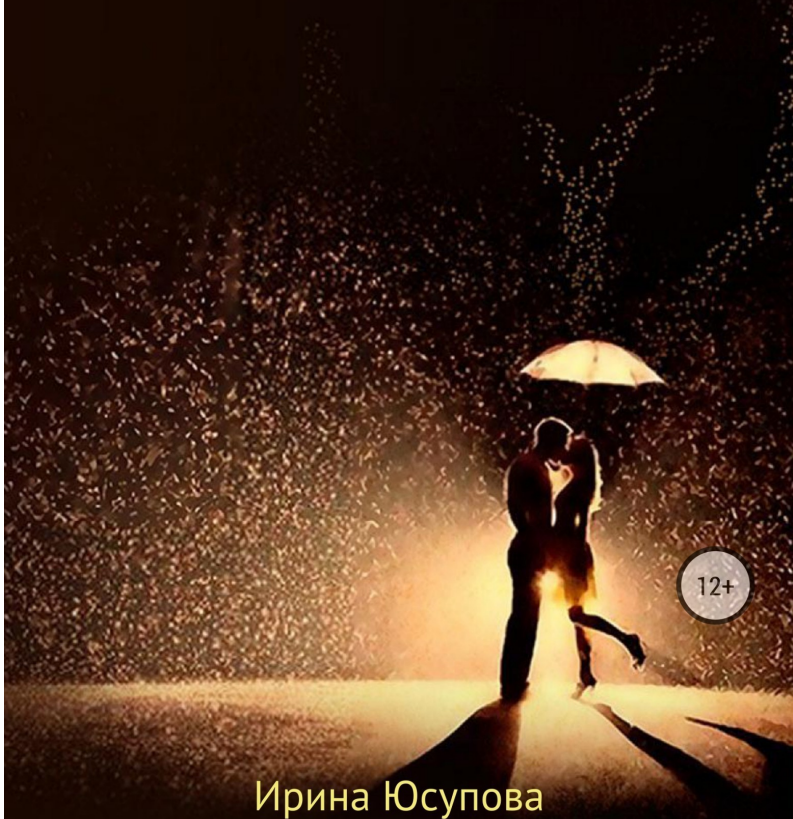

Расскажи мне обо мне...

Серия "Сказки для тётек".

12+

Ирина Юсупова

Ирина Николаевна Юсупова

Расскажи мне обо мне...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32828438

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-2281-9

Аннотация

...Что будет делать очень пожилой человек, узнав о своей близкой кончине? Видимо, каждый – что-то свое... Только вот главная героиня получила в этот тяжелый для нее день весьма заманчивое предложение! Жизнь прошла и нужно успокоиться? Да ни за что! И она готова на все!

...Сознание приходило медленно. Вообще-то, сначала это и сознанием нельзя было назвать – так, ... какие-то картинки, мысли, фразы. Чаще других появлялся веселый белозубый мужчина. У него смеялись и синие глаза, и загорелый облученный нос-картошка и даже короткие светлые волосы.

...И потом появилась фраза... "Аленка моя" – так сказал мужчина. "Значит, я Алена, – подумала она и обрадовалась, что уже может и думать, и знает вообще что это такое – "думать"... – Значит, я – это "ОНА". Женщина я..."

...А потом все пространство захватила тоненькая девчушка с тревожными глазами на пол-лица, такими же рыжими, как и пушистые солнечные волосы. "Бабуля, – девочка говорила тихо, а янтарные глаза кричали, – это ведь ошибка, правда?" "Значит, я бабушка?" – успела подумать она... И вот тогда вся предыдущая жизнь замелькала с такой скоростью, что она испугалась – уж, не перед смертью ли? ...Она быстро пронеслась, ее длинная и, если совсем честно, очень неплохая жизнь, вся до той самой фразы...

...А ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ОПЯТЬ СТАТЬ МОЛОДОЙ?

"Так, – подумала она, – надо все разложить по полочкам, хотя бы для себя". Она вообще любила порядок. С детства, с момента, когда она себя уже помнила, а было это...

...Итак, она – Сомова Елена Игоревна, в девичестве Нестерова, 1910 года рождения. Помнила себя лет с четы-

рех до шести только фрагментами, а потом очень хорошо, несмотря на свой почтенный возраст. Помнила революцию, нэп, войны, все последующие "оттепели", "застои" и "перестройки". Вспомнила о смерти мужа – родного веселого Васи – с такой же отчаянной болью, как и двадцать лет назад. Потом о трех внуках – таких непохожих и таких любимых. О двух дочерях – как всегда с горечью – "Я была им плохой матерью"... И, наконец, о Витуле. Правнучка. Солнышко. На самом деле солнышко рыжее, озорная и нежная, ласковая и такая открытая, каких не бывает в наш ненормальный век... Самая-самая. Может потому, что она так напоминает ей Василька?

...А ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ОПЯТЬ СТАТЬ МОЛОДОЙ?

Эта фраза стала последней точкой во всей ее предыдущей жизни. Закончилась ее жизнь именно на этой фразе, потому что не возникло ни сомнения, ни мгновенного раздумья, ни опасения...

ДА! ДА! ДА!

Она слишком полюбила жизнь, она не нажилась еще!

...Глупые, выжившие из ума старухи говорят, что, мол, хватит уж, пора и ТУДА. Она не была ни глупой, ни выжившей из ума. В свои "за девяносто" она до хрипоты спорила с Витулиными друзьями и о тяжелом роке, и о достижениях

генетики, и о моде, и о Пушкине, о том, возможна ли любовь без секса и наоборот. Ее квартиру называли "тусовкой", дочери осуждали, внуки хмыкали и подбрасывали денюжат "на прокорм всей этой оравы". Деньги она брала из вежливости, "чтоб не обидеть", а зарабатывала до сих пор сама и очень даже немало – ее "парижский" французский и "лондонский" английский по-прежнему котировались и, несмотря на все многообразие современных курсов, школ и колледжей, в учениках недостатка не было.

...А ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ОПЯТЬ СТАТЬ МОЛОДОЙ?

...Все началось в сквере у Большого. Она всегда приходила туда, когда ей было так плохо. Вспоминались мама и отец.... Может, душа ее мамы-балерины залетает иногда и сюда из Питера, от Мариинского? А отец, конечно же, рядом с мамой. Они так любили друг друга! Она не верила ни в бога, ни в современную астральную дребедень, но должно же что-то оставаться от человека? ...назови это хоть душой, хоть еще чем. Может сгусток энергии, а может просто мысль, которая стала чем-то материальным. Она думала, что в свое время и этому найдется такое же простое объяснение как грому и молнии...

...На душе было так мерзко, что хуже некуда. Приговор. Месяц, два от силы. Метастазы разве что наружу не вылезли, резать никто не будет, ни за какие деньги. Да и в таком-то

возрасте! Прямо не сказали, но дали понять, что-де, мол, бабуля, и так зажила, грех жаловаться, пора и честь знать. А жить хотелось безумно! Тем более она была в такой прекрасной форме, что и молодой позавидует. И природа не поскупилась, за троих здоровья выдала, и она сама всю жизнь была неугомонной – любила движение, спорт, танцы. Даже все последние новомодности перепробовала – аэробика, шейпинг, калланетика, стрейчинг, йога... А еще раньше были в жизни и акваланг, и теннис, и мотоцикл, и горные лыжи, и парашют, и даже виндсерфинг. Витулины друзья говорили, что они "тащутся" от нее, и что таких бабулей не бывает. Она хохотала, ругала их язык, и своим примером показывала, что современной можно быть и с классическим русским. Умный очкарик Дима даже высказал предположение, что ее в детстве похищали инопланетяне, и что-то у нее внутри переделали или улучшили. Насмеялись тогда от души...

...Вот тебе и переделали. Месяц или два. Боли, сказали, не будет. Ну, может в самом конце. Чуть-чуть. Недолго. Ведь всего месяц. Или два.

...А потом рядом сел ОН. Какой-то взъерошенный, понурий. Шуршал бумагами, хмурился. Чертыхнулся. Уронил "Паркер" и не заметил.

– Молодой человек, вы ручку уронили, – она старалась загнать внутрь отчаяние и говорить спокойно.

– Я? Где? – он вертелся и из-за своих бумаг не видел потерю.

– Замрите! Вы ее сейчас раздавите. Я достану.

Он действительно замер с приподнятой ногой, а она с грациозной легкостью (все еще!) нырнула вниз.

– Держите. Только она вся в грязи, там лужа. У вас есть платок?

– Нет, – он смутился, – спасибо вам огромное, это очень памятная вещь...

– Так и держали бы дома, – она протянула ему платок, – вот, возьмите... вытрите, а то весь перемажетесь.

– Еще раз спасибо, – он взял платок – я и держу дома, просто сегодня...

Он опять задумался и нахмурился. А потом, словно только что увидел ее, удивленно спросил:

– А вы, видимо, в прошлом балерина? Я так не сложусь. А если уж и сложусь, то обратно не разложусь, точно, – он улыбнулся такой хорошей улыбкой, что стал моложе наполовину, почти мальчишка.

– Балериной была моя мама, если вы это имеете ввиду, – она кивнула на Большой. – А вот то, что вы в таком возрасте не можете согнуться-разогнуться, это уж ваша лень, дорогуша!

– И вовсе я не ленивый, я по утрам зарядку делаю! – это прозвучало как знаменитое "а я учил!" и оба рассмеялись.

Потом, слово за слово, они разговорились. Почему иногда незнакомый человек вызывает такую симпатию, что хочется открыться ему полностью? Эффект «попутчика»? Или

«случайного человека, которого больше и не увидишь»? А ей тогда еще и вообще просто хотелось говорить и говорить с кем-то. Только не оставаться одной, с этим жутким приговором. Месяц, два... Но ведь не с родными же!!! ...зачем людей попусту расстраивать?... А вот Кирилл (они уже познакомились) говорил с ней не из вежливости, а с интересом. Вообще-то, на интерес со стороны противоположного пола она никогда не жаловалась, хотя и была "не бог весть что", как ее называли знакомые-завистницы. Да – и лицо, и фигура действительно "не бог весть что", можно сказать что-то "среднестатистическое", но вот, поди ж ты, нравилось это "среднее" сильной половине человечества очень и очень! И, тем не менее, мужчин у нее за всю жизнь было всего два. Один – муж, а другой...

...А ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ОПЯТЬ СТАТЬ МОЛОДОЙ?

...Фраза никак не давала сосредоточиться. Где-то далеко, как будто внутри, зазвучал взволнованный голос: "Виктор Евгеньевич! Мне кажется,... нет, точно, есть реакции! Посмотрите – вот всплески и вот..." "Кирочка, это ничего не значит, пока ничего... Постучи-ка по деревяшке..."

...Кто такая Кирочка?... Стоп! Это же не "такая", а "такой" – Кирилл это. Тот самый...

...Они очень долго потом говорили. Обо всем и не о чем.

Пошли в Александровский сад, ели мороженое. И говорили, говорили... Он не был похож ни на одного из ее знакомых. И уж, тем более, ни на внуков-бизнесменов, ни на старшую – "леди", ни на младшую – "не от мира сего", художницу. А уж на Витулю... В нем каким-то непостижимым образом сочетались острый ум и детская непосредственность, стариковская мудрость и полное незнание некоторых житейских вещей. И она никак не могла понять – где же он работает? Кирилл ловко уходил от этой темы. Узнав о ее возрасте, он словно на стенку наткнулся:

– Ско-о-о-лько? Знаете, у меня все время такое чувство, что я разговариваю с молодой женщиной. Ну не внешне, врать не буду,... не обижайтесь. Но все равно, даже и внешне, не столько! Правда! Вы что, рецепт вечной молодости открыли?

– Открыла, – она вздохнула, – и скоро закрою. Приходите на закрытие... Через месяц, два...

Он внимательно посмотрел ей в глаза:

– Это что за закрытие такое?

– Да не смотрите на меня так, я не заговариваюсь, маразм – это не моё, как выяснилось! – она уже пришла в себя и даже могла улыбаться, говоря о себе. – ...рак,... понимаете, месяц-два, а потом на кладбище приходите, на Новодевичье, у меня там местечко припасено. Я вам план нарисую – найдете.

Вот тогда все и произошло. Сначала с Кириллом. Она ви-

дела, что у него зреет какое-то решение. О-о-очень серьезное!... прямо прыжок в пропасть. Сосредоточился, ушел в себя, даже губу закусил... И следующая его фраза заставила теперь уже ее усомниться в его нормальности.

– А вы хотели бы опять стать молодой?

Обвинить его в том, что это "щютка" такая она не смогла – того часа или чуть больше было вполне достаточно, чтобы понять, что за человек перед ней. Хороший человек. Искренний. Не способный *вот так пошутить* с пожилой и безнадежно больной женщиной. В то, что у него "не все дома" тоже что-то не верилось, повидала она на своем веку психов и немало! И вот тогда что-то серьезное произошло и с ней. Все перевернулось внутри, встало с ног на голову и она ПО-ВЕРИЛА, как в детстве в Деда Мороза, как в чудо. "ДА! ДА! ДА! – выдохнула и не удивилась бы, вытащи он сейчас волшебную палочку и произнеси торжественно "Крибле-крабле-бумс!" Он все еще пытливо смотрел на нее, и все еще сомневался, но, видимо, уже не за себя, и не за нее...

– Тогда придется вам прослушать небольшую лекцию. Чтобы вы не приняли меня за ненормального – он улыбнулся. – Как я понял, вы немного в курсе и современных достижений генетики, и клонирования, в частности...

– Нет, "в курсе" это уж очень громко сказано, – пожала плечами она, – просто газеты читаю, телевизор смотрю, ну, иногда в Интернете с внучкой шуруем... Так, что вы попросе, на "кухонно-бытовом" уровне.

– Не скромничайте, – усмехнулся он, – ваши бы познания, да хотя бы современным выпускникам школ да лицеев – все бы вскоре профессорами стали. Так вот, как вы думаете, наша наука сидит, сложа ручки, и с умилением смотрит на чужие достижения?

– Не знаю, – она задумалась, – вообще-то, не должна бы, ... но ведь финансирование и прочие сложности...

– Елена Игоревна! Я вас умоляю! Сложности возникают, когда нужно спасти какую-то редкую бабочку или тюленя где-то там, далеко на Севере. Кому она нужна, эта бабочка? Или тюлень. Им? – он ткнул пальцем куда-то вверх. – А если речь идет о ЧЕЛОВЕКЕ! Неужели вы найдете хоть одного из "сильных мира сего", – он опять потыкал пальцем в небо, – который бы отказался иметь тельце-другое про запас? Ну, сделали в одном дырку, эка беда! Взял другое, свеженькое, и живи себе дальше! Так вот, эти работы начались у нас задолго до того, как у "загнивающих" появились даже мысли обо всех этих овечках, Долли, или как там ее? Скажу больше, тогда, когда генетика была той самой "продажной девкой капитализма".

– Не только она, – вздохнула она, вспоминая прошлое. – И кибернетика, и социология, и этология и еще много чего... Но какое лицемерие!... И, ... послушайте, – она серьезно посмотрела на него, – если это все так, то вы мне выдадите секретнейшую информацию. Это как понять?

– А вот так, – он опять улыбался, – чем я рискую? Что вы будете обсуждать это с бабулями у подъезда? Во-первых, что-то я в этом сильно сомневаюсь, а во-вторых, да кто ж вам поверит?

– Точно, – она задумалась, – скажут "крыша в пути". Что-то меня сегодня тянет на Витулины словечки!

– Так вот, продолжу. Работы велись столь интенсивно, что так называемые "запасные тела" мы научились делать еще, ... в общем, на заре моей нежной юности.

– И до сих пор все засекречено? – с сомнением сказала она. – Ни строчки, ни слова? Как же это удалось? Всех сотрудников держали на необитаемом острове? Под землей? На Луне?

– Все значительно проще. Хотя начинали именно так, как вы говорите. С "Совершенно Секретной Секретности". Но потом кто-то из наших "спонсоров", мы их так зовем, все-таки вспомнил мудрую русскую поговорку – "охота пуще неволи". Нельзя из-под палки заставить работать, нельзя удерживать информацию запретами и замками. Весь наш коллектив – фанаты почище футбольных. И еще это подкрепляется ну, очень немалыми деньгами.

– Я это заметила, – она с удовольствием оглядела его ладно сидящий костюм, – такие шедевры, насколько мне известно, продаются лишь в паре бутиков в Москве.

– Все-то вы знаете! ...Но, вообще-то, я не такой уж и модник, больше джинсы со свитерами люблю... Просто сегодня думал... Но это все не важно... – он улыбнулся смущенно. – А бутик... действительно удобно: заходишь, тебя одевают с ног до головы, в одном стиле и довольно прилично. А ходить по магазинам... так скучно и столько время!

– Но... цены!

– Да на что мне еще тратить деньги? Я ведь совсем один. Машина есть, квартира, но чаще всего я живу на работе.

– Один? Но как же вы в таком возрасте, ведь вам... тридцать шесть, ...восемь?

– Тридцать девять.

– Все равно, как же вы попали ТУДА?

– Там работал мой отец. Маму я вообще не помню, она разбилась в авиакатастрофе, когда мне было два года. И родственников как-то не получилось... Отец стал брать меня с собой на работу. Ему никто не мог запретить, уж очень он был большим авторитетом. Ну, вот я как-то и приобщился с самого детства. И жили мы все время там, и школу, и медицинский я наполовину экстерном, наполовину заочно окончил. В общем, если с точки зрения нормального человека, бедный я ребенок, лишенный детства и юности, – он улыбался. – Но если бы вы знали, как я люблю такое свое детство! – а потом восхищенно заметил: – А нервы у вас железные, все обо мне, да обо мне, а я ведь представляю что у вас на душе!

– Нервов у меня нет.

– ?!

– Тот факт, что нервные клетки не восстанавливаются, уже вроде никто не оспаривает, верно? Так, я думаю, нервы у меня за столь долгий срок уже просто давным-давно кончились!

– Нет, вы – прелесть! – Кирилл хохотал. – Ну, почему мне лет так не сто? Я бы уже всю за вами приударял!

– Ловлю на слове, ведь если... если все это правда, то еще не поздно?

Кирилл сразу посерьезнел.

– Сначала я должен рассказать все до конца. А уж потом вам решать... Так на чем мы остановились?

– На "запасных телах".

– Да. Так вот, это было только началом пути. Дело в том, что мы полностью научились копировать только БИОЛОГИЧЕСКИ человека. Все до последней клеточки. А вот личность, душа... Тут был полный ноль. То есть новое тело получалось с такими же знаниями, как новорожденный младенец. До сих пор окончательно не ясно, что же это такое – мысль, знание. Химическая реакция? Магнитная волна? Извилина особая? Но ведь новый мозг получался абсолютно идентичным оригиналу, до самой последней извилины! ... а вот этих самых мыслей и знаний в нем не было. Что же дальше? Обучать его? Воспитывать, готовить смену? Но это

будет уже совсем другой человек! Тогда казалось, что работы зашли в тупик. Пытались записывать, программировать весь багаж знаний человека, его личные качества, привычки, воспоминания, чтобы потом учить новое ТЕЛО по схеме... А! – он махнул рукой. – Все напрасно! Человеческая личность уникальна! Мы воздвигали города из самых продвинутых компьютеров, записывали месяцами данные на одного человека... и что потом? Информация устаревает на следующий же день. За день может столько всего произойти – уйдет жена, продаст лучший друг, собственный банк лопнет, в подъезде встретит киллер... И этот день будет вычеркнут из дальнейшей жизни. В общем, на этом пока пришлось поставить точку.

– Пока?

– Мир не стоит на месте. Может быть, уже завтра кто-то придумает новые технологии, способные перевернуть науку, и ранее неразрешимые задачи покажутся смешными. Так вот, продолжу. Мой отец предложил радикальное решение – пересадка мозга.

– Но, это же... – она невольно поднесла руки к вискам, – вот так прямо отсюда... туда?

– А что же в этом такого? Ведь делают трепанацию черепа людям, и они живут после этого, причем, случается, что очень даже долго, и очень даже неплохо! Конечно, и на это ушло много лет решений технических вопросов, да и "у них" возникала новая сложность – сохранить свой мозг целым и

невердимым. Но, это уже, как говорится, не наши проблемы!

– Не очень-то уважительно вы отзываетесь о своих "спонсорах"... – хмыкнула она.

– Неуважительно? Пожалуй... Но это у нас взаимно, – Кирилл усмехнулся. – И они, кстати, прекрасно знают это. Но терпят. Пока не найдут замену. А потом,... но это, я думаю, понятно. Единственное оправдание я нахожу себе в том, что, в конце-то концов, наши достижения должны достаться всем. Сколько калек и уродов на Земле! Вот о ком прежде всего надо подумать!

– Так почему же вы не предложили сначала им ЭТО? Сколько несчастных молодых мальчиков без рук, без ног возвращаются с наших бесконечных войн! Они были бы готовы на любые эксперименты. А тут вдруг я!

– Вы забегаете вперед. Сейчас все поясню, – а потом он тревожно оглянулся. – Послушайте, вы простудитесь. В мае хорошо только днем, а вечера еще холодные. Уже темнеет, может быть, поедem ко мне? Я живу недалеко, на Белорусской,... – он похлопал себя по всем карманам, – нет, не поедem. Я не собирался домой, ключи не взял. А в лабораторию вас не пустят... Или вызову машину, быстро туда-сюда... вы меня в машине подождете?

– Зачем такие сложности? Лучше ко мне. Я одна живу. Квартира большая, двухкомнатная. И совсем рядом – на Полянке. Можно и пешком дойти, прогуляемся.

– Нет, пешком вы точно простудитесь, – он снял пиджак, и, пресекая все протесты, надел ей на плечи, – вон ветер какой поднялся! А в гости я с удовольствием. Я вообще в гостях бывал раз семь за всю жизнь. Сейчас, только, ... извините, – он достал мобильник, и, став при этом намного старше, заговорил с каким-то Антоном на таком непонятном научном языке, что она только теперь поняла, как же упрощенно он ей все объяснял, и уловила лишь смысл концовки – Кирилл вызвал машину.

– Ой, ну зачем же теребить людей! Какая машина, ведь рядом же, можно и на троллейбусе... – сокрушалась она, но Кирилл жестом прервал ее, и, взяв под руку, повел к выходу. – Да, видимо, вы можете быть жестким и даже суровым, а внешне и не подумаешь.

– Работа такая, – он опять улыбался. – А вот с вами я просто душой отдыхаю. Ну, сознайтесь, у вас ведь ухажеров было видимо-невидимо?

– Ухажеров, сознаюсь, действительно было хоть отбавляй! Но только УХАЖЕРОВ, не более! И не смотрите лукаво, как-нибудь расскажу. Да и сейчас Пантелеич с восьмого этажа проходу не дает – давай, говорит, жениться, вместе жить веселее! А он меня на двадцать лет моложе, – она опять смеялась, – только он этого не знает, думает, что Витуля – моя внучка, а не правнучка! Ну, а я ему, естественно, не говорю, кокетничаю, так сказать, и "пудрю мозги"!

Кирилл уже хохотал, и опять сетовал, что ему не сто лет,

а то бы он этого Пантелеича...

... "Елена Игоревна! Вы меня слышите? Если слышите, то попробуйте шевельнуть пальцами... но только пальцами!... Виктор Евгеньевич! Есть! Есть реакции! Она слышит и понимает! Елена Игоревна, сейчас вы заснете, вам нужно очень много спать. Постарайтесь думать о хорошем... Спокойной ночи... Антон, давай..."

...А она и думала о хорошем. О том самом вечере. Который начался так ужасно, а потом стал началом ее новой жизни...

...И потом они на роскошной пепельно-синей Ауди приехали к ней домой, и Кирилл, расправляясь со второй банкой ее фирменного крыжовникового варенья с грецкими орехами, продолжал:

– Конечно, начинали, как и положено, с лягушек, мышей, крыс и кроликов. Но как понять, та же это мышь или другая? Собаки и кошки тоже, вроде бы, и на клички отзывались, и команды выполняли, ... но ведь не спросишь их, помнят ли они вчерашний день, позавчерашнюю куриную ножку или своих котят-щенят? И тогда решили попробовать на обезьяне – Кирилл опять помрачнел. – Ох, идиоты!...

– Почему? – она ловко взбивала белки для бисквита, но слушала внимательно. – Чем же она отличается от собаки?

– Нет, Елена Игоревна, мы еще плохо знаем обезьян. Бедная Найта... Когда собаки и кошки видели на себе новую шерсть или новые лапы, они, в общем-то, и не удивлялись. Запах тот же...

– Как новую?! – она отложила кастрюлю в сторону. – Почему новые лапы?!

Кирилл удивленно посмотрел на нее, потом хлопнул себя по лбу:

– Ну и лектор из меня! Я же упустил самое главное! Так вот, параллельно со всем тем, о чем я уже рассказал, велись работы по УЛУЧШЕНИЮ нового тела. Кому же не хочется вместе с новым телом приобрести и рост побольше, и ноги попрямее, ну или стать блондином вместо лысого? Редко кто доволен своей внешностью. Да, еще нужно было только МОЛОДОЕ тело, а не то с которого мы делали копию.

– И значит, это удалось,... – она говорила почти шепотом, – ведь вы предложили мне стать именно молодой... Могла бы и сама догадаться...

– Ну да. Это оказалось гораздо проще всего остального. В процессе выращивания мы изменяем структуру генной матрицы именно там, где...

– Нет, нет! Заговариваетесь! На "кухонно-бытовом", – она продолжала работать венчиком, – а то у меня от перенапряжения белок осядет!

– Хорошо. Значит, выращиваем мы тельце и говорим: "Расти тельце новое, молодое, красивое и здоровое", – он ре-

шительно взял у нее кастрюлю и заработал куда как проворнее. – Вам что, ваши бизнесмены миксер не могут подарить?

– Да есть у меня миксер, и не один.... Только так как-то душевнее получается. И вкуснее. Все говорят.

– Ладно, попробуем, – он продолжал накручивать венчик. – Продолжу. С Найтой, это обезьяна, мы развернулись вовсю. Из маленькой самочки шимпанзе, нежно орехового цвета мы сотворили огромного, черного как смоль самца. Операция прошла удачно. Когда она открыла глаза, то узнала всех, улыбалась... Мы были на седьмом небе... Идиоты!... И я самый большой. Потому что как только мы сняли все простыни и она увидела свои руки... – он отложил кастрюлю, тяжело сел, взялся за виски, – ...ведь это было только вчера...

– Значит, вы сегодня... оттуда?

– Да... Боже! Обезьян нельзя держать в клетках! Они все понимают! Они действительно наши меньшие братья. ...У нее стояли волосы дыбом. Она начала дергать себя за шерсть. Она плакала, кричала, рычала, звала нас на помощь, а уж когда увидела свое "мужское достоинство"... Ведь у нее два раза были детеныши... И она все-все понимала! И, кто знает, может, помнила ласки своего друга... И теперь объяснить случившееся ей никто уже не мог. Ей ввели успокоительное. Думали, обойдется как-нибудь... Она проспала тревожным сном всего ничего, очень быстро очнулась, организм-то

крепкий, и... сошла с ума. Хотя о животных так и не говорят... Смотреть на нее страшно, все время вводят успокоительное, и долго она не протянет...

Какое-то время оба молчали. Потом она подошла, положила ему руку на плечо:

– Я не передумаю. И не надейтесь. Как я поняла, из людей я буду первой? Но, почему же все-таки я?

Кирилл тяжело вздохнул, потом грустно улыбнулся своей замечательной детской улыбкой:

– А, может, я в вас влюбился? – он театрально взял ее старую, но очень ухоженную, с изящным маникюром руку и поцеловал. – И хочу побывать в роли принца разбудившего спящую красавицу?

– Ценю ваш юмор. Только... – теперь она тяжело села. – Вы, вообще-то, затронули страшную тему... Вы хоть представляете себе, что это значит – быть в душе молодой? Хочется нравиться, хочется любить, хочется быть желанной, и отнюдь не Пантелеичем... Постельных сцен хочется, черт возьми! А потом смотреть на себя в зеркало и... – она махнула рукой. – Не спящая красавица, а лягушка. Ну да, ведь у вас в лягушках большой опыт...

– Из царевн-лягушек вы будете первой, – он все еще держал ее руку в своей. – И красавицей будете. Обещаю.

– Я могла бы делать пластические операции, – задумчиво продолжала она, – денег хватает... только все это как-то неправильно, по-моему. Да и всему свой срок. Когда еще можно было – у нас не делали, на запад по этому поводу выезжать не разрешали, а сейчас уже и бесполезно. А то получится, как в том анекдоте – "это у вас не родинка на подбородке, а пупочек"...

Зазвонил телефон. Она взяла трубку.

– Бабуля! – Вита. Как всегда веселая. – Я рядом! Ну, я к тебе еду! Не одна! Что купить? Тортик? Или у тебя есть что-нибудь вкусненькое? Со мной такой троглодитище! Ну, круто-о-ой! Я верхом на "Харлее", прикинь? Не хило?

Кирилл, сделав страшные глаза, махал руками.

– Вита, Вита, подожди, не тарахти. У меня гость. Не сегодня.

– Гость? Ну и что? – потом она запнулась, и восторженно-тоненько: – Настоящий мужчи-и-инка?

– Ну, – она хмыкнула, посмотрев на Кирилла, – в общем... да.

– Ой, бабуленька, ну, наконец-то! – Вита аж взвизгивала. – Ну, сколько ж можно себя блюсти? Ой, ну как я рада! Ну, отпад! – потом куда-то вбок, решительно: – У бабули любовник! Разворачивай! – и опять в трубку: – Ну, значит, вы там развлекайтесь, а утром ты мне позвони, да? Я до десяти дома, а потом на мобилу. Ну, я целую!

Она положила трубку, улыбалась.

– Это моя внучка. Вернее правнучка. Ее Викторией зовут. Нина – это жена моего внука – так назвала. Как она ее родила, одному богу известно. Девять месяцев мучений. Диагнозы один страшнее другого. И все-таки она победила. Победа – Виктория. Хотите – верьте, хотите – нет, мы с ней как подружки. Вы слышали ее реакцию?

– Да, связь хорошая, да и она не из тихих... – улыбнулся Кирилл, а потом, довольно посмеиваясь, сказал: – Давненько не был любовником!

– У них сейчас все мысли вокруг этого. Возраст, что поделаешь! А вот моя старшая дочь сейчас уже пошла бы пить валидол, и потом еще неделю бы нудела по телефону, что "да как можно знакомиться на улице!", "да в таком возрасте!", "да о чем ты вообще думаешь?!", "а может он жулик!", ну, и в том же духе. Но я ее не виню. Себя виню. Я их с младшей – Оксаной – и не воспитывала вовсе. Все, казалось, они еще малы, успею. Работа, муж... А очнулась, когда они уже стали взрослыми. Каждая со своим характером, своими странностями и особенностями. Хотя, надо было бы понять, что блокадные дети взрослеют быстрее...

– Вы и блокаду перенесли?

– Да, я вообще-то из Питера. Мама до моего рождения танцевала в Мариинке. Отец – инженер. Бабушки-дедушки сплошь интеллигенты-аристократы. До сих пор не понимаю, как это все репрессии мимо нас прошли? Как заговоренные были! Слушайте, вы долго меня мучить будете? Досказывай-

те вашу лекцию. Или уже передумали?

– Ага, значит, кое-что из нервов все-таки осталось? Это хорошо, иначе, что же это за молодая девушка без нервов? А повизжать при виде мышки? – Кирилл опять развеселился. – У нас их много!

– И все же.

– И все же осталось чуть-чуть. Значит, почему вы? Да, мальчишки-калеки не задумываясь пошли бы на это. Но, ведь нет никаких гарантий! Мы не имеем права так рисковать, тем более с ними. Они живы! ...хоть и без ног. Они личности, люди! ...хоть и без рук... Они еще слишком молоды! До них дойдет очередь, но только тогда, когда эта операция будет сродни удалению аппендицита. И еще есть их родственники. Вы подумали, как будет вопить пресса, если такой мальчик что-то забудет, хотя бы свой прошлогодний насморк? Зомбирование! Роботы-люди! Новое пушечное мясо! Я уже почти наяву вижу эти заголовки в газетах. Не скрою, еще, когда мы готовили к операции кошек-мышек, о людях уже были мысли. "Спонсоры" сразу же предложили: бомжи, одинокие старики и даже совершенно здоровые люди... которых, я думаю, могли бы нам просто выкрасть...

– Вы работаете в чудовищном месте, – она смотрела настороженно. – И много через вас прошло... этих... бездомных... и... выкраденных?

Кирилл как-то сник, устало потер виски.

– Вы мне не верите. Да я бы тоже не поверил. Но, луч-

ше подумайте о моем рассказе. Люди до настоящего времени нам были просто не нужны. Да, мы выращивали отдельные органы, но для этого их не нужно отрезать. Вот мой палец, – он вытянул вперед свой длинный тонкий мизинец, – он не родной, старый-родной безнадежно пострадал в одном адском растворе, и его пришлось удалить. Видите тоненький шрам-колечко? Это отцова работа. Сделали зеркальную копию с другой руки и пришили.

– Ничего не понимаю. Раз это уже возможно, то опять я думаю о...

– Ну да, да о мальчиках... Объясняю. Во-первых, этому пальцу всего год. Это последнее отцово достижение... А потом он погиб... Глупо, случайно... на работе.

– Ох, Кирилл...

– ...Это... уже... ладно... Но тогда неизбежно работы приостановились. Ведь отец был,... у нас и должность-то эта как-то не определена,... директором, что ли? На оргвопросы ушло почти два месяца. Ваш покорный слуга, – он сделал легкий поклон в ее сторону, – занял его место. Потом продолжили. Конечно, были и успехи и поражения. Оказалось, что пришить выращенную руку-ногу куда сложнее, чем свою, родную. Тут дело в... – он нахмурился и вздохнул: – Ну, в общем, поверьте так, на "кухонно-бытовом" не объяснишь. Пересадка мозга по сравнению с этим гораздо проще. Во-вторых, вы не забыли о секретности наших работ? И, наконец, в-третьих, а может, и в главных, об их стоимости?

Лабораторию трясет. Все прекрасно понимают, что такими достижениями нужно делиться! Но, увы, наши "спонсоры" этого не желают. А с непокорными, я думаю, вы понимаете, что может произойти...

...Она поняла, что не спит. И еще она почувствовала, что ее лицо свободно. Очень медленно она открыла глаза. Знакомая комната, напичканная разной аппаратурой, Кирилл сидит, напряженно уставившись в монитор. Она сглотнула и, собравшись с духом, прошептала:

– А я уже не сплю...

– А я уже давно это знаю, – Кирилл все не отрывался от монитора, но теперь улыбался. – Только не шевелитесь, умоляю. Вы вся в датчиках, трубках и проводах, составляете одно целое с аппаратурой, да и рано еще. Почему вы так мало спите? Сны плохие?

– Сны отличные. А сплю я всегда мало. Так уж получилось, – хоть она и говорила шепотом, но все же поняла, что голос какой-то не ее. – Что с моим голосом? Мне как-то странно себя слышать.

Кирилл оторвался от монитора, подошел к ней. Серый, небритый, с темными кругами под глазами.

– А вы как думали? У вас новые голосовые связки, новая гортань, рот. А голос прежний останется?

– Новое... Значит, я... новая? И без рака?

– Все, на сегодня разговоров хватит, – Кирилл опять стоял у монитора. – Вы сейчас своими эмоциями всю нашу работу порушите.

Он защелкал по клавиатуре, и у нее перед глазами все поплыло...

...В тот вечер они улеглись только часам к трем ночи. Она, конечно бы, не прочь была проболтать и до утра, но видела, что Кирилл уже валится с ног и засыпает на ходу. Пока она стелила ему в большой комнате, он разглядывал картины, которыми были увешаны все стены. Тут были и дочкины, и младшего внука. Перед одной он встал надолго.

– А ведь это вы.

– Точно, только как вы догадались? – это был один из экспериментов внука, вблизи полная мазня, только метров с двух что-то начинало проглядывать. – Ведь ее надо смотреть специально. Устремив взгляд в даль. Тогда изображение станет объемным. Виталя говорит, это стык художества и компьютерной графики.

– Да знаю я про эти картины. Только я еще до "специально взгляда" догадался, что это вы. У вас талантливый внук. Он смог передать ваше "я" даже просто цветом. Тут видно ваше настроение, ваш неугомонный характер... И еще большая любовь вашего Виталия к вам.

– Вы что, еще и художественный критик? Прямо как ка-

талог с выставки читаете.

— Нет, я вообще в искусстве ни бум-бум. Просто смотрю, как вы говорите, с точки зрения "кухонно-бытового" уровня, — он улыбнулся. — А это значит, что он хороший художник, которого понимают простые люди.

— Да уж, простой вы человек. Идите-ка лучше спать.

...А уже примерно через час, она проснулась от жуткой боли. Стиснула зубы. Свернулась калачиком. "Уходи, уходи...", — уговаривала и заклинала — не сейчас..." И таблеток-то в доме никаких не было! Она только простужалась иногда, а от простуды — малина, мед, чеснок... Все радикулиты-остеохондрозы ее миновали, ведь час балетного (спасибо маме!) станка в день — это было "чугунёвое", как говорила Вита, правило. "Может, чаю крепкого выпить? — подумала она, это было одно из ее "лекарств" от головной боли. — И сладкого..."

Медленно сползла с кровати, держась за стенку, доковыляла до кухни. Взяла чайник, и тут боль так закрутила, что потемнело в глазах. Уронила чайник. Сползла на пол. Внутри будто кто-то ворочал раскаленным стержнем. На кухню, на ходу заправляя рубашку в брюки, влетел Кирилл.

— Что такое? Что, что, не молчите!

— Да это по плану... Как и сказали... — она еле шептала. — Боли, говорили, почти не будет... Значит потерплю. Ах, как нехорошо получилось!

— Что значит потерплю? Где аптечка? Что у вас есть?

– Да нет аптечки, ничего не надо...

– Ясно, значит "скорая", – Кирилл схватился за телефон, но тут же бросил трубку: – Черт! Какая "скорая"? ...увезут, а потом... Нет, не скорая... – он уже стучал по кнопкам мобильного. – Антон! Пришли по адресу... скорей, какой адрес? – но она уже уплывала куда-то, и только шевелила губами. – В общем, я на Полянке, номер дома не знаю, кажется рядом «Молодая Гвардия»... спроси у Жени... или попроси запеленговать... конечно, оставляю включенным... этаж, кажется, десятый. Пришли портфель с третьим набором...

Да... Еще мой ноутбук и сканер... Какие, к черту, картинки?! НАШ сканер... Нет, ... извини, ... все... Больше ничего не надо, – а потом к ней, успокаивающе: – Сейчас, сейчас, это намного быстрее "скорой"... И, главное, эффективнее.

Как он перенес ее на диван в гостиной, она уже не помнила. Смутно слышала звонок в дверь, мужские голоса... А потом стало хорошо. Кирилл сидел рядом, держал в руках что-то напоминающее шприц, только без иглы.

– Ну, все? Отпустило? А теперь, давайте-ка, я сам вас посмотрю, – на стуле рядом уже тихонько гудел ноутбук, к нему на тонком прозрачном проводе был присоединен какой-то прибор, вроде толстой ручки. Кирилл с бесцеремонностью врача поднял ее рубашку и начал водить этой "ручкой" по телу. "Господи, я еще могу смущаться..." – она почувствовала как краснеет и отвернулась к стенке. Кирилл глядел на монитор, который был отвернут от нее, и хмурился все боль-

ше и больше. Наконец отложил все, сел, подпер подбородок двумя руками. Глядел куда-то вдаль.

– И что? – попыталась опять улыбнуться она. – Что там за страсти такие?

– Знаете, вас здорово обманули, – он по-прежнему глядел куда-то вдаль. – Хотя, может, просто у меня аппаратура по-лучше. Не два и не месяц. Счет уже пошел на дни. И если у вас в запасе больше недели, то значит я – Софи Лорэн.

– И... что же? Вы не успеете? – никогда она не была плак-сой, а сейчас кусала губы, но слезы текли сами собой. – Зна-чит... точка?

– Значит, я должен немедленно услышать окончательный ответ, – посмотрел он ей в глаза.

– Да я не передумаю, хоть сейчас на операционный стол, только Вите позвоню...

– Нет. Вот об этом я все время молчал, но сейчас надо сказать. Для всех вы должны умереть по-настоящему. Орга-низируют это наши "специальные товарищи", – он усмехнул-ся, – да так, что комар носа не подточит. В общем, вы на са-мом деле должны будете стать новым человеком. С новым именем, новой жизнью. Со старым нужно проститься либо сейчас, либо уже... впрочем, я все же дам вам один день, вы сможете рассказать о своей болезни ... ну, хоть как-то под-готовить всех... И подумать...

– Нет, – она решительно села. – Сразу же упекут в Крем-левку. Вот только Вита... И даже намекнуть будет нельзя?

– В целях её же безопасности. А с Витой "познакомитесь" потом. Опять будете подружками.

– Да не верю я вам, вы же врать не умеете, – она грустно посмотрела на него, – моя дальнейшая жизнь, если она состоится, будет проходить рядом с вашими мышами и лягушками... Кто ж меня, живой эксперимент, выпустит?

– Ну, хорошо, начистоту... – шумно выдохнул Кирилл, встал и начал ходить взад-вперед, словно измеряя длинными ногами размер ее комнаты... – По этому поводу еще ведутся споры. И сначала – да, увы. Лаборатория, мыши, лягушки, исследования. Тут уж извините, сами понимаете... **НО!!** Нам нужны **ЖИВЫЕ, ПОЛНОЦЕННЫЕ** люди, а не лабораторные экземпляры, реакцию которых на саму жизнь проверить невозможно. Я борюсь за то, чтобы потом выпускать наших первых Адамов и Ев в жизнь. Конечно, какое-то время понаблюдать за этой самой жизнью в лаборатории, а потом – свободны, ребята! Да и современные средства наблюдения все равно позволяют, ну, как бы это помягче,... корректировать, что ли, их поступки. Вы думаете, мы весь вечер одни? Как бы не так. Я думаю, даже рецепт вашего вкуснящего бисквита и тот на всякий случай записан. И, раз уж не поступило звонков "оттуда", значит, пока мои действия полностью одобряются.

– Тогда о чем же говорить? Разве у меня есть выбор? Хоть человеком, хоть мышью – я хочу еще пожить! Вот только вы

совсем не поспали... а уже утро...

– Недосып – это мое естественное состояние, – он сладко зевнул и опять сел рядом, – а поспать я ох, как люблю! Одного я понять не могу, как же вы ваш рак так проморгали? Ведь сначала можно было бы и совершенно простую операцию сделать!

– Что не делается, все к лучшему. Тогда бы я не встретила вас. И тогда бы вы мне не сделали это заманчивое предложение!

– Это точно. Но все же, почему?

– Да я забыла, когда была в поликлинике! – она поморщилась. – Жутко не люблю по врачам ходить! А тут справка кончилась... я в бассейн хожу, в группу аква-аэробики, ну я и...

– Все! Вы меня убили! – перебил ее Кирилл и, смеясь, откинулся на спинку. – Поделитесь, где источник вашей энергии!

– Нет никакого источника, я же говорю, просто очень люблю жизнь. Так вот, если честно, справки мне всегда соседка достает. Ну, да, да... Не надо изображать возмущение! Жульничество, конечно. Но я здорова! И кожных болезней у меня нет! А тут она срочно к сыну уехала, в Новгород, внук тяжело заболел, сидеть некому. Ну, я и пошла в поликлинику. Ох, как они обрадовались! Я же там лет пятнадцать не была. Послали на полную диспансеризацию. Хирург что-то

заподозрил, отправил к онкологу, и понеслось... Главное, до этого у меня и не болело ничего! А как сказали... прямо мистика! И, потом у меня какой-то быстротечный рак, я названия не помню. Еще два месяца назад, говорят, никакого рака и не было. И чтобы его отловить, нужно было бы прописаться в поликлинике и ежедневно ходить на эту самую диспансеризацию. Вот, собственно, и вся история...

...Она опять проснулась. За окном было темно. Хотя... это же не окно, Антон говорил, это монитор, передающий какой-то реальный пейзаж. Насколько она помнила, они находились сейчас где-то на уровне десятого этажа, но только под землей, и "окна" делались по советам психологов, для создания правильной эмоциональной атмосферы коллектива. Кирилл все так же сидел за монитором. Она начала потихоньку осматривать комнату. Увидела весело сияющую из-за аппаратуры лысину "Лады" – Виктора Евгеньевича, профессора. Его так звали за вечную присказку "Ну, ладушки!". Скосила глаза на какую-то возню слева – там Игорь, опутанный проводами, что-то подсоединял к ее "чудо-кроватьи".

– Елена Игоревна! – тут же позвал ее Кирилл. – Если проснулись, не молчите! Что я могу подумать?

– Кирилл, вы когда последний раз спали?

– Вопрос, конечно, интересный, но чисто риторический. Говорите, говорите еще что-нибудь.

– Мне что-то мешает смотреть. Не пойму что.

– Ваши ресницы. Мы их чуть-чуть удлинимили и загустили.

Привыкните.

– Но зачем? – искренне удивилась она. – Моя старая внешность меня вполне устраивала. И потом, зачем старухе длинные ресницы... ой, так я что, уже не старая?

Она, насколько могла, скосила глаза вниз, на свое тело. Две заманчиво торчащие под простыней выпуклости не оставляли никаких сомнений – там, внизу была уже НЕ ОНА. Сердце забилося так сильно, что Кирилл сразу же бросился к клавиатуре, и она опять забылась...

...А тогда, у нее же дома, Кирилл отсканировал все ее пальцы и радужку – для прохода в лабораторию, записал все в свой ноутбук.

– Значит так, я не прощаюсь. Часам к двум за вами заедут. Тот самый шофер, что нас сюда привез, помните? Его Женей зовут. С собой ничего не берите, еще вернетесь. Ну, я пошел? – на пороге остановился. – Все еще можно отменить. Помните об этом. Когда уже будет нельзя, я скажу.

Ушел. Высокий, худой, взлохмаченный... А ей всегда нравились аккуратно причесанные, с хорошей стрижкой... Как Василек... Да он и не имел права быть другим, ее Василь, ведь военные всегда аккуратны...

Она долго смотрела в окно вслед уезжающей Ауди. Нет, она не передумает!

Решительно подошла к телефону, набрала номер Виты:
– Я дома до двух. Хочешь – приезжай.

...Вита ворвалась в дом как всегда, подобная рыжему урагану.

– Ох, ну и кавалер у тебя был, – зажмурившись, потянула носом. – Крутые духи! Ну, шикарный мужчинка! Ну, давай, рассказывай! Ну, мне-то можно! Я – "могила"!

– Рассказывать особенно нечего, чайку попили, поболтали...

– Ну, бабуленька! Ну, что ты меня за суслика держишь? А почему тогда мне было нельзя? При всех остальных можно, а тут вдруг "здра-а-а-асьтиии-приехали" и нельзя? Щас как оби-и-ижусь!

– Вита. Слушай, я должна сказать тебе что-то очень серьезное...

Вита уже уминала за обе щеки оставшийся бисквит и, с набитым ртом, сделав страшные огромные глаза, сказала зловеще:

– Все ясно, ты "залетела". Не переживай, материально и морально поможем, будет сын полка! Класс! А то у меня только двоюродная бабушка, хочу двоюродного дедушку!

– Вита...

Наконец, внучка что-то уловила в ее голосе, узкое личико

сразу побледнело (такая тонкая кожа!):

– Бабуль, ты что обиделась? Ну, ты же самая-самая! Ну, я же шучу!

– Я не о том. Вита, это был... врач. Я очень больна, и жить мне осталось, может, чуть больше недели... рак...

Вита молча смотрела ей в глаза. Видела, что не шутит. Последняя краска уходила с этой милой родной мордашки...

– Бабуля, – девочка говорила тихо, а янтарные глаза кричали. – Это ведь ошибка, правда? Ну, ты так сразу и поверила... этого не может быть... Ну, ты ведь такая...

– Нет, Вита, правда. Если бы не... врач, я могла умереть и этой ночью. Вряд ли до телефона дошла бы...

Вита не могла долго сидеть на одном месте. Вскочила, забегала по кухне.

– А папа?! А бабушка?! Да они тебя в такую больницу устроят, ты оттуда как огурчик выйдешь! Да хоть у нас или хоть где!!! Ты что, забыла об их возможностях? Надо же звонить!

Вита кинулась к телефону, но она уже стояла около него и держала трубку.

– Витуля, я когда-нибудь тебя обманывала? – и подумала, что сейчас и начнет... – Или ты думаешь, что я не хочу больше жить? Если я сказала, что все – значит, уж верь мне...

– А вдруг все-таки что-то еще можно сделать? – у Виты уже блеснули глаза. – Ну, нельзя же вот так опустить руки!

– Сделать можно. Например, умереть на операционном столе, порезанной на лоскутки. Лучше уж так. И потом, ты что думала – я буду жить вечно? Вспомни, сколько мне лет!

Вита зарыдала. Уткнувшись в ладошки, горько, безутешно... Она прижала ее к себе, гладила по худым плечикам, по непокорному рыжему облаку волос...

– Да, будет, будет... Нужно во всем искать положительные стороны. Подумай, у многих ли вообще есть прабабушки? А у тебя была. И причем достаточно долго! Почти восемнадцать лет. И многим ли прабабушкам повезло с такими правнучками? – она вытирала Витулины заплаканные глаза. – Давай оставшееся время не думать о плохом, ладно?

– Это мне повезло... – девочка еще всхлипывала, но изо всех сил старалась взять себя в руки. – Таких как ты не бывает...

– И еще вот что... Ты сейчас и здесь должна твердо пообещать мне, что никто из наших об этом не узнает. Обещаешь?

– Ой, – Вита испугалась, – но я не смогу! Ты же знаешь, у меня все вранье сразу на щеки вылезает!

– А ты постарайся. Придумай слезливую и грустную историю. Вот, например, скажи, что реферат по английскому не сдала.

– Ты как всегда шутишь, – Вита и плакала и улыбалась. – Я!! ...и по английскому... Уж лучше по математике...

– Если вы пишете рефераты по математике, то пусть будет

математика. Ну, так как? Обещаешь? Ведь это, видимо, моя последняя просьба...

– Бабуля, милая,... – девочка бросилась ее целовать, – да я для тебя... Ну, ты же знаешь!

– И еще, – она и сама с трудом сдерживала слезы. – Следи за речью... Все "ну" да "ну"...

...Когда она проснулась в следующий раз, Кирилл уже стоял у кровати.

– Ай-я-яй! Я что говорил? Думать о хорошем, смотреть хорошие сны, – он смеялся. – А вы что творите? У меня уже компьютер дымится от ваших эмоций! Пришлось самому разбудить вас.

– А что, – она кивнула в сторону аппаратуры, – там все понятно, о чем я думаю?

– Если бы! Там я вижу... ну, например, как яростно пульсируют ваши еще не совсем сросшиеся сосуды. И это мне очень не нравится. Так, что давайте лучше поговорим. Как самочувствие? Голова не болит?

– Да нет, вроде... – она внимательно прислушалась к себе, – ничего не болит. Хочется есть.

– Bravo! Спящая царевна просыпается! Сейчас накормлю, – он подошел к компьютеру, защелкал длинными пальцами по клавишам.

– Так неинтересно... Хочу на самом деле... пожевать что-нибудь. И еще хочу посмотреть на себя, – она все еще от шеи

до пяток была закутана простыней.

– Рано еще. И жевать и смотреть.

– Я буду умненькой-благоразумненькой. Волноваться не буду. Ну, пожалуйста, – она протянула как можно жалобнее, – хотя бы на лапку с черной шерсткой...

Из угла, как колобок выкатился Виктор Евгеньевич.

– Какая лапка, какая шерстка! Кира, она заговаривается! Надо ее выключить!

– Тихо, тихо, – Кирилл улыбался, – все в порядке. Это я ей про Найту рассказывал.

– Фу-ты, ну-ты, – Лада вытащил свой огромный клетчатый платок и вытирал лысину, – так ведь и до инфаркта доведете, дети мои! Ну, ладушки! Беседуйте дальше. А я посмотрю.

Он опять укатился в свой угол.

– Кирилл... – она опять старалась придать своему новому голосу побольше жалостливости, – только руку... Только посмотреть – возьму я теперь октаву или нет?

– Ладно, – он решительно подошел к кровати и отстегнул один край простыни, – начинайте все постепенно, и шевелиться, и смотреть.

Она видела, что теперь уже все потихоньку повылезали из-за своих приборов – и Лада, и Антон, и Олег с Игорем. И еще она знала, что практически весь коллектив – а это без малого человек триста – все, или почти все, сейчас или у себя в лабораториях или в центральном зале следят за ней

по мониторам, на которые поступают изображения с четырех камер в палате.

Сначала она пошевелила пальцами. Потом сжала руку в кулак. Ногти уперлись в ладонь: "Слишком длинные! Будут клацать по клавишам...". Потом она медленно вытащила руку из-под простыни. И сразу зажмурилась. Вздохнула поглубже, набираясь храбрости, и решительно открыла глаза. Прежде всего, ее удивило именно то, что рука была МОЛОДАЯ. С молочно-белой матовой кожей. Такой у нее никогда не было, она всегда была "смуглянкой-цыганкой", как говорил Василек... И еще рука была... Теперь она всю вертела ею, разглядывая со всех сторон...

– Боже, это сотворил Микеланджело? – прошептала радостно.

Рука была самым совершенством. Изящная, с тонким запястьем, узкой длинной кистью, музыкальными пальцами...

Сразу напряженная тишина была нарушена радостным гулом присутствующих.

– Я же говорил, что понравится! – Лада потирал ладони. – А он все переживал! – кивнул на Кирилла. – Это все его, его произведения! Он у нас и Микеланджело, и Менделеев, и Бил Гейтс в придачу!

– И господь Бог, дающий вторую жизнь... – прошептала она почти про себя, и потом уже громче. – А все остальное? Можно, да?

– Нет! Нет! – Кирилл уже решительно застегивал просты-

ню. – Сейчас спать.

– Последняя просьба, – она смотрела на его то ли щетину, то ли уже бороду, – обещайте сами выспаться и поесть. Нет, я даже не прошу, я требую! Иначе в следующий раз при виде вас я просто заболею! Ведь со мной уже все в порядке, верно?

Кирилл задумчиво посмотрел на нее, поправил какие-то датчики, которыми была облеплена вся ее голова, был мыслями где-то очень далеко.

– Все?... Может быть...

...А тогда, проводив поникшую и как-то сразу повзрослевшую Витулю, она села в кресло, попыталась сосредоточиться. "Что же надо сделать прежде всего?" Завещания уже давно написаны, все бумаги у нее и так всегда в полном порядке. "Да! ...надо, наконец-то, разобрать фотографии". До них у нее никогда не доходили руки. Фотографий было огромное количество – и от родных, и от друзей, и от учеников. И они все прибывали и прибывали. Не проходило и недели, чтобы какой-нибудь благодарный ученик не присылал очередной конверт с фотографиями и восторженными откликами о занятиях языком с ней: "Да меня там за своего приняли!", "Не поверили, что я не парижанин!" И в таком же духе.

Метод обучения у нее был свой. Сейчас это, кажется, называли методом "погружения", а она уже давно его применя-

ла – просто брала жить к себе ученика, и говорила с ним по две, а то и по четыре недели с утра до вечера только "по-за-морски". Хочешь, не хочешь, а заговоришь. Конечно, сначала, предварительно протестировав, честно предупреждала, какой результат может быть в лучшем случае – люди-то ведь разные, с разными возможностями и способностями. Но, как правило, получалось лучше, чем было задумано. "Да вы и мертвого разговорите!", "С вами так интересно, что я бы заговорила и на китайском!" – так обычно говорили люди на прощание.

...И вот сейчас такое множество разных лиц глядело с фотографий. Каждая – маленький рассказ, небольшая сценка из жизни. Она и разобрать-то их не могла потому, что, как только садилась сортировать и раскладывать, так потом уже не могла остановиться и все вспоминала, вспоминала...

...А вот старые фотографии... Вот эта снята на Невском, перед войной. Они все вчетвером: Вася, шестилетняя Нели, Оксана – совсем крошка, год с небольшим и она... Какие они с мужем были тогда молодые и счастливые! И такие разные – он как огромный светлый викинг, а она – смугленькая, тоненькая и маленькая, совсем девчонка...

...После войны. Тоже на Невском. Вроде и не изменились. Только она стала совсем прозрачной, а Василий уже не светлый, а просто седой... да вот и глаза у всех... Девочки, конечно, выросли. И глаза... глаза не детские...

...А вот одна из немногих фотографий мамы с папой. Куда они все подевались? Столько же было! И в театре, и в студии, и просто хороших любительских. Хотя за столько лет! ... Она бы не удивилась, если кто-нибудь сказал ей, что во время блокады она растопила ими печку... В памяти того времени оказались такие провалы... видимо это был порог сумасшествия...

Она решительно отложила все альбомы и коробки. "Если уж за всю жизнь не разобралась, то и сейчас нечего начинать". Дети и внуки займутся. Вот, хотя бы Леша, средний внук, давно уже предлагал это все отсканировать, систематизировать и сделать лазерный диск-фотоальбом. С поиском, с любой музыкой, со всеми возможными "наворотами"... Вот ему и карты в руки...

...Ровно в два приехал Женя. На той же самой Ауди. Они быстро доехали до Тверской, потом закружили по маленьким тихим переулочкам. Остановились у маленького серого, ничем не примечательного двухэтажного особнячка. Кружевной заборчик, зеркальная дверь на входе... Она даже было засомневалась: "Где же здесь все ЭТО размещается?" На входе – военная охрана, далее просторный вестибюль. По вестибюлю, меряя его длинными ногами, уже ходил Кирилл. Одет был как хирург – зеленые брюки, халат, спереди шапочка – висит на тесемках... Сердце застучало тревожно.

– А я уже беспокоился, решил встретить, – подошел к

ним. — Только сейчас вспомнил, что надо было бы еще лекарства оставить, на всякий случай.

— Да все хорошо, я прекрасно себя чувствую.

— Я знаю. Так будет еще часа два. Потом придется опять делать инъекцию.

— И... часто?

— Чем дальше, тем чаще. Итак, решение в силе?

— Да.

— Тогда пойдете — он, взяв ее под руку, повел в конец вестибюля, в глубокую нишу.

Там, рядом с металлической дверью, на стене был целый пульт управления. Кирилл сунул в прорезь пластиковую карточку, потом приложил к темному окошечку подряд все пальцы, затем заглянул сначала одним, а потом и вторым глазом в небольшое круглое отверстие.

— Теперь и вы все то же самое.

После всех этих манипуляций дверь бесшумно скользнула в стену. Они прошли в лифт. Она удивилась и уже собиралась посетовать — на второй этаж и пешком бы можно было дойти! Но лифт поехал вниз. Скорость была приличная, закладывало уши. Ей показалось, что они уже приближаются к центру земли...

— Сколько же здесь этажей? Мы не вынырнем где-нибудь в Америке?

– Всего, кажется двадцать... или двадцать два... – Кирилл был очень сосредоточен и неразговорчив. – Не помню сколько технических, рабочих пятнадцать.

Опять замолчал. Потом манипуляцию с пальцами и глазами пришлось проделывать еще несколько раз. Везде были огромные металлические двери, толщиной метра по два.

– Здесь, видимо, и ядерную войну можно пережить, да?

Кирилл удивленно посмотрел на нее:

– А вы откуда знаете? Для этого и строили. Здесь и ветка метро на одном из этажей есть.

– Догадалась.

Видя его неразговорчивость, и сама решила помолчать.

Теперь им по дороге часто встречались люди. Все приветливо здоровались с Кириллом, ей тоже вежливо кивали. В основном были довольно-таки немолодые мужчины, женщина встретила только однажды. По тому, как все разговаривали с Кириллом, как он спрашивал их о чем-то и отдавал распоряжения на своем тарабарском языке, она поняла, что он действительно здесь главный, и не переставала удивляться – ведь самый молодой!

А потом началась череда исследований. Что с ней делали – вот ставьте к стенке и стреляйте – она уже не понимала. Водили с этажа на этаж. Из лаборатории в лабораторию. Было и что-то похожее на рентген, и на ультразвук, облепляли какими-то датчиками, брали бесконечные анализы. И везде невероятное количество компьютеров. Кирилл зеленой те-

нью летал от одного к другому, успевал со всеми поговорить, на что-то указать, словом был везде. Какое количество народа было задействовано во всех этих процедурах, она уже тоже сказать не могла – давно сбилась со счета.

Вдруг Кирилл, посмотрев на часы, резко выхватил ее из какого-то очередного кресла и буквально донес до ближайшей кушетки. Достал из кармашка свой шприц-не-шприц.

– Что это, зачем? Ничего ведь не болит! – она засопротивлялась было, но тут-то боль и напомнила о себе. Она закусила губу, но Кирилл уже загнул зеленую куртку от костюма, в который ее переодели при входе, приставил свой аппарат именно туда, где боль была сильнее всего. – И как это вы определяете, где всего больнее?

– Я теперь самый большой специалист по всем вашим внутренностям, – он опять улыбался. – И, уж простите, самый большой растяпа. Чуть не пропустил!

– Ничего, я бы потерпела.

– Ни в коем случае. Вот этими... ну, в общем, назовем их шприцами, я снабжу вас в достатке. Будете колоться по расписанию. Строго! Опоздаете – можете умереть от болевого шока. Я же сказал, ваши врачи вас надули. И те два дня, что вы еще будете дома...

– Два дня? – ее глаза расширились. – Это окончательный приговор?

– Да, – он опять говорил жестко. – Сегодня мы еще здо-

рово вас помучаем, потом нужно будет обработать информацию... кое-что проверить. А завтра опять заберем в то же время, но уже ненадолго. Часа на три. Потом у вас будет полностью свободный день. Так, что я говорил? Да, два дня вы просто обязаны соблюдать мой режим, если же, конечно, не передумаете... Пока еще можно.

– Да, да я помню. Будет уже нельзя – скажете...

И опять пошла черед бесконечных процедур и анализов...

...Что человек делает в оставшиеся два дня жизни?

Кто-то, вероятно, напивается, кто-то плачет, кто-то мучает родственников требованиями пожалеть себя...

Она же решила съездить в Питер.

И когда на следующий день объявила об этом Кириллу, он взорвался, и она впервые увидела его, так сказать, "в страшном гневе".

– Да вы с ума сошли, какой Питер? Туда-сюда это уже сутки! А вы должны быть послезавтра здесь! Утром! И главное! Вы забыли, что у вашего состояния есть только одно название – "при смерти"?

– Я в ночь – туда, и так же обратно, – упрямилась она. – И ничего со мной не случится, ведь ваши "волшебные палочки" со мной!

– Случится – не случится мне лучше знать! – он с размаху плюхнулся перед ней на стул, потом спокойнее добавил. –

Извините. Если бы я мог поехать с вами! Но ведь здесь еще столько дел! Я не успеваю!

– Кира, – она впервые так назвала его, и он почему-то вздрогнул. – Хотите честно? Так вот, до конца я все-таки не верю... ну, во всю эту затею. Понимаете, я ведь с жизнью прощаюсь! А Питер – город моего детства, юности и... любви... Мы с мужем только после войны в Москву переехали. Его по службе перевели... Я даже с Витой решила больше не встречаться, хоть она и умоляла по телефону. Попросила оставить одну и она, кажется, поняла...

– Хорошо, – он барабанил пальцами по столу, – только я все равно с вами поеду, – решительным жестом прервал возникшие, было, у нее возражения. – Или так, или вообще никак. Мешать не буду, последую за вами незаметной тенью.

– А как же приготовления?

– Буду руководить издалека. В конце концов, для чего на свете существуют мобильники и... самолеты?

– Ой, да самолетом еще дольше! Пока доехать до аэропорта, пока посадка, то да се, еще больше времени уйдет. А если еще и погода нелетная!...

– Это обычным. А еще существуют частные, может, слышали? – он опять улыбался, не мог долго сердиться. Только на нее, или вообще?

– Мне кажется, я сама становлюсь как самолет, – вздохнула она, – по стоимости, я имею ввиду!

– Уже больше, – он встал, посмотрел на часы. – Когда завтра будете готовы?

– Да я-то что, я могу когда угодно. Как вам удобнее...

– Тогда в шесть. До завтра. И не вздумайте сделать какую-нибудь глупость.

И ушел, почти убежал, не попрощавшись. Но она не обижалась... ведь по делу!

До аэропорта на следующий день они домчались минут за двадцать – огромный черный джип с мигалкой, казалось, и сам сейчас взлетит. Посадка – еще минут десять. И маленький самолет, мест на восемь, летел, тоже значительно быстрее обычного. Короче, вдохнула воздух родного города она уже часов в семь с небольшим. Кирилл всю дорогу щелкал по своему ноутбуку, чертыхался, без конца звонил, ему – тоже. Она уже очень жалела об этой своей затее, вернее, о том, чем эта затея обернулась для него. Можно было подумать, что спал он последний раз только у нее, и что его последней едой был тот самый "вкуснящий" бисквит...

...Самое обидное, что каких-то особых воспоминаний Питер в ней так и не пробудил. Единственной, и очень положительной эмоцией, было то, что она затащила Кирилла в ресторан, предупредив, что сама угощает, иначе вообще есть не будет и умрет не от боли, а от голода! Кутила напропалую. Заказала все самое-самое, опять разговорила Кирилла. Когда он был не "по уши" в работе – само обаяние: веселый,

общительный, очень отзывчивый. И, видимо, на современный взгляд, симпатичный. Она замечала, как смотрят на него окружающие молодые женщины. Хотя, может, дело было и не в этом. Кирилл пребывал в очередном портновском шедевре "от кутюр": "С такой дамой, как вы, иначе нельзя!" и к тому же умел носить его с какой-то природной грацией. Ей же очень хотелось отвести его в парикмахерскую. Ну, ладно, когда Вита носится на своем мопеде как рыжая фурия, ... все-таки хоть и девушка но еще на самом деле такой ребенок! Но, взрослый мужчина, напоминающий взлохмаченного битла? Не удержалась. Решила схитрить, и сказала, что хочет сделать напоследок хорошую стрижку.

– Да ладно вам сочинять-то, – смеялся Кирилл, – ваша головка в идеале, как и вы сами. Я же вижу, как страдальчески вы смотрите на мою гриву. И не надейтесь. Знаете, почему? – он заговорчески к ней придвинулся, говорил тихо, почти шепотом. – Я сразу же усну в кресле. И, может быть даже буду всхрапывать, ведь я говорил вам, что я страшный соня. И мне будет очень стыдно, – видимо, от шампанского он совсем развеселился, блестел улыбкой и глазами в полумраке зала. – Смотреть на это безобразие я доверяю только своему соседу-парикмахеру. И только дома.

...Потом была такая же обратная дорога. Потом бессонная ночь. Бесконечные Витулины звонки и бесконечные уколы...

Утром Кирилл приехал сам. Больше молчал. Она тоже. Не

разрешил ничего брать с собой. Когда она закрыла дверь, он протянул руку за ключами.

– Давайте.

– Но... зачем?

– Да не собираюсь я вас грабить, давайте, – он мрачнел на глазах. – Ну, что вы заставляете меня говорить о том, что и сами могли бы додумать? Тело ваше должно будет оказаться здесь. Нельзя же, чтобы вы просто так бесследно исчезли!

Вдруг захотелось вернуться, убежать, спрятаться. Кирилл замечал все нюансы ее настроения:

– Что, по домам?

– Нет, – она уже пришла в себя. – Ни-за-что.

...Была еще целая череда ее пробуждений и такая же череда ее принудительных отключений... И вот, наконец, проснувшись она почувствовала какое-то особое состояние эйфории. Сколько же прошло времени? Хотелось запеть, потянуться, спрыгнуть на пол, сделать колесо... Кирилл, конечно же, был уже рядом.

– Ну, вот что. Мы тут посоветовались, и я решил. Мне уже самому неважно. Или принимаете мою работу, или я пошел стреляться, – шутил, как всегда. – Там, у стены большое зеркало. Мы сейчас все уходим, камеры отключаем. Так, что смотрите – сколько пожелаете. Только без резких движений и всяких там "па-де-де"! Я в соседней комнате. Все. Я ушел.

Какое-то время она еще полежала. Собиралась с духом. "В конце-то концов, я же была согласна даже на мышь!" Опять зажмурившись, откинула простыню. Чуть приподняла ногу и открыла один глаз. Нога была достойной соперницей руки! С маленькой ступней, большим подъемом и рельефной щиколоткой. Тогда она села на кровати, опустила ноги на теплый пол. Плечи сами расправились, тело казалось взведенной пружинной. Вдруг неожиданно на высокую грудь упала целая копна темных, чуть волнистых волос. "Видимо, были чем-то заколоты...". Она запустила руку в голову. Датчиков уже не было. "Ого, да тут на троих хватит!" И невольно начала ласкать эти густые, шелковые и тяжелые волосы. Палец наткнулся на пластырь, опоясывающий голову как нимб. Отдернула руку, опять все внутри сжалось... "Да все правильно, это же после операции". Успокоила себя. Потом решительно встала, и, сама удивляясь своей легкой и пружинящей походке, пошла к зеркалу. "Смотреть начну снизу. Тут я уже все видела". Медленно поднимая взгляд, смотрела она на эту незнакомую молодую женщину в зеркале. С длинными стройными ногами, маленькой круглой попойкой, плоским животом и тонкой талией... Естественным завершением высокой груди были узкие нежные плечи.... Шея – для любви... Она подбиралась все выше и выше, и, наконец, посмотрела в лицо этой "новой я" – тонкий овал, обрамленный ага-товыми черными волнами, четко очерченные губы, созданные будто только для поцелуев, маленький чуть вздернутый

носик... И, наконец, в пушистых длинных ресницах, огромные и бездонные глаза – как два чистых изумруда...

...Огромный кабинет был освещен не полностью. Потолок, который терялся в полумраке, казалось и вовсе не существует. Мягкий, непонятно откуда льющийся свет падал только на массивный дорогой стол красного дерева в центре и на журнальный, стоящий в углу между двух кожаных кресел. За столом, словно соперничая с ним в массивности, сидел мужчина. Расплывшийся, болезненный, с землистым цветом лица. Казалось, каждое движение должно доставлять ему одни сложности – одышку, сердцебиение, кашель... Но сейчас он сидел неподвижно. На экране стоящего на столе плоского телевизора, совершенно голая, молодая и очень красивая женщина гримасничала перед зеркалом – то вдруг открывала рот в оскале и принималась рассматривать свои ровные и белые зубы, то, изворачиваясь змеей, пыталась рассмотреть что-то на спине, то вдруг, потихоньку напевая, начинала крутиться на пятках...

Толстый нажал на кнопку в столе. Сказал негромко:
– Зайдите... – а потом, опять глядя на экран, задумчиво, – и создал бог женщину...

Буквально через две минуты, мягкими кошачьими шагами, которые еще и заглушались ковром, в кабинет вошел мужчина в сером костюме. Кроме цвета этого дорогого костюма больше в нем, пожалуй, ничто не поддавалось четко-

му определению. Обычная внешность, непонятного оттенка глаза, средний рост, особых примет – никаких... Он только немного склонился в знак приветствия. Толстый, кивком пригласив Серого сесть, задумчиво спросил:

– Ваше мнение?

– Хороша девочка, – Серый тоже уставился на экран. – Но все же давать гарантии сейчас...

– Я знаю.

Какое-то время оба молчали. Серый первым нарушил тишину:

– Во всяком случае, об успехе относительно внешнего вида уже можно сказать с уверенностью, и...

– Тоже рано, – перебил Толстый. – А вдруг уже сегодня начнется какое-нибудь отторжение или кровоизлияние?

– Отторжение в принципе невозможно, Кирилл в этом уверен, – сказал Серый, – ведь биологически это абсолютно то же самое тело.

– Все равно. Будем ждать и наблюдать. И главное, – он тяжело повернулся и посмотрел в упор на Серого, – что осталось в этой прелестной головке от прежней старушенции? Кстати, – он пошуршал бумагами на столе, – я изучил все это, ... но не представляю, как будет проверяться ее личность?

– Я как раз сегодня хотел ознакомить вас с дальнейшими действиями, и раз уж я здесь...

– Да.

Серый на мгновение замер, словно собираясь с мыслями,

и потом продолжил уже без запинки:

– Старушенция – весьма неординарный человек. Профессиональный переводчик, носитель английского и французского языков. Это богатство досталось ей от бабушки, родившейся и прожившей в Париже почти всю жизнь, и от троюродной тетки – уроженки Лондона. Бабушка, по каким-то непонятным соображениям, приехала в Россию перед революцией. Тетку же пригласили сами родные – они жили не бедно, а она в Англии осталась совсем одна и без средств. С девочкой с детства говорили на трех языках. Ну, и свои способности были немалые. В совершенстве изучила немецкий, итальянский, испанский и финский. В свое время была блестящим синхронистом. Врожденная грамотность. Неоднократные поездки за границу. Сами понимаете, такие личности не могли остаться без особого внимания. Собраны огромные тома материалов. Будет очень просто проверять память, сопоставляя ее рассказы с записями. Мы предложили Кириллу программу, по которой она ежедневно должна наговаривать на диктофон как можно больше воспоминаний. Он, кстати, почему-то, даже не спорил. Так, дальше, – он перевернул бумажку. – Муж – военный летчик. Прошел всю войну. Ранения... контузия... Множество наград... Умер от сердечного приступа в конце восьмидесятого. Дети... нет, сначала закончу с ней, – он опять повертел бумажки. – Записей стало значительно меньше, когда она оставила государственную службу. Но все же достоверно известно,

что дальнейшим ее увлечением были индийский, китайский и японский языки. До совершенства, конечно, далековато, но все же, по словам многих авторитетных людей, она и здесь достигла немалых успехов. Что еще... Ага. Неугомонная натура. Вечный двигатель, можно сказать. Все ее увлечения перечислить просто невозможно. Пользовалась большим уважением... Так... Награды... Вот интересный факт – ни одного любовника. Как встретила мужа, так и прожила с ним всю жизнь. Смерть его пережила тяжело, лежала в больнице с депрессией. Теперь дети...

– Да, – перебил Толстый, – с ней нам, можно сказать, повезло. И где Кирилл ее откопал?

– Не поверите, они встретились случайно. Бабулька была при смерти – рак. Кирилл почему-то решил спасти ее, во что бы то ни стало. Ну, мы не возражали, надо же когда-нибудь начинать? Правда, все делалось в страшной спешке. Найту, обезьяну, готовили полгода, а здесь уложились чуть ли не за неделю, даже меньше. Я взял всю ответственность на себя, ведь вы были недоступны...

– Знаю, знаю, продолжайте.

– Так вот, дети. Старшая, Нели, окончила с отличием Иняз, на стажировке в Бельгии познакомилась с одним дипломатом, вышла замуж, бросила работу, посвятила всю жизнь мужу, домашняя хозяйка. Как говорят, "морально устойчива", настоящая "леди".

– Моральная устойчивость у них что, в крови? – хмыкнул

Толстый.

– Нет, не у всех. Вторая, Оксана – художница. Окончила, тоже с отличием, Суриковское, но потом ударилась в религию. Хотя даже не в религию, ... как же назвать то? ...ну, в общем, рисует "праны" и «ауры» людей, какие-то являющиеся ей образы, видения будущего и всякую подобную муть. В советское время была чуть ли не изгоем, жила только за счет родных, да еще иногда подрабатывала портретами. Сейчас, сами понимаете, вошла в моду. Очереди к ней на месяцы вперед расписаны, в своих кругах очень известна. Так вот, у нее одних только мужей было три, а просто мужчин, как говорится, "и не сосчитать". Теперь о внуках. У старшей дочери один сын, Александр. Начинал с дипломатической работы. Потом организовал частную юридическую фирму. Сейчас дела у него идут более чем успешно. У младшей – два, от разных мужей, Алексей и Виталий. Алексей – директор крупной компьютерной фирмы, Виталий – свободный художник, пошел по стопам матери. И, наконец, одна правнучка, дочь старшего внука, Виктория. Непростая девушка. Проигнорировала все связи родных, которые могли бы устроить ее в любой престижный вуз, поступила самостоятельно в педагогический, на факультет иностранных языков, сейчас студентка первого курса. Хочет быть учителем, потому, что, по ее словам, "безумно любит возиться с малышкой". Вот, вкратце, и все.

Серый закрыл папку, ждал. Толстый сидел, задумчиво барабанил пальцами по столу. Наконец, тяжело вздохнул:

– Ну что ж. Отличный материал. Здесь вопросов нет. Работайте. Я, слава Богу, не при смерти, могу ждать хоть двадцать лет.

– Может быть, сделать еще несколько экспериментов?

– Нет. Пока нет, – Толстый с усмешкой посмотрел на собеседника, – Если только за ваш счет. Сначала дождемся окончательных результатов этого. И еще... – он поудобнее устроился, – давайте-ка, поговорим об этом нашем... Копперфильде.

– Простите... о ком? – не понял Серый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.